

То, что вы сейчас прочтете, вас потрясет, поэтому позвольте мне подготовить вас. Я знаю, чего вы ожидаете, но решила не давать вам этого. И не стану извиняться. Ваши ожидания — ваше личное дело, как и все решения, которые принимаются в течение жизни: помочь или отвернуться, отдать или забрать, бежать или сражаться, копить или жертвовать. В своем завещании я воспользуюсь возможностью проявить щедрость. Но такая возможность была и у вас.

Этот документ отражает мою волю, без какого-либо принуждения или манипуляций со стороны указанных ниже лиц. Он не был написан под влиянием каприза или со злым умыслом. Я нахожусь в здравом уме и твердой памяти.

Я не могу ответить на ваши возражения, поэтому оставьте их при себе. Ваши дальнейшие действия зависят от вас. Действуйте мудро.

Л. Дж.

Часть 1

ДО

Эшли и Луиза

Глава 1

Эшли

— А можете посексуальнее? — попросил директор по подбору актеров, сидящий за длинным прямоугольным столом, разделяющим мечтателей и тех, кто убивает мечты.

Мы находились в перегородженном бальном зале отеля «Шератон»... или в «Хайяте»? Не важно.

— Э-э-э... Конечно.

— Отлично!

Ассистент снова включил видеокамеру и указал на меня: мотор!

Я наклонила голову, сверкнула такой соблазнительной улыбкой, за которую в некоторых странах меня могли бы арестовать, и прочитала текст:

— Всегда рада тебя видеть, съесть обеды с твоего стола и согреть тебе постель холодной ночью. А теперь ты можешь поблагодарить свою собаку за то, что любит тебя так, как способны любить только собаки. Гав-гав-ням-ням!

Я подумывала изобразить поцелуй, но это была реклама корма для собак, не хотелось делать ее слишком сексуальной.

— Спасибо, — сказал главный убийца мечты, и на этом все кончилось.

Полтора часа ожидания ради пятнадцати минут унижения. Прекрасный рабочий день.

По пути к выходу я прошла мимо вереницы женщин, главным образом бывших школьных красавиц с блестящими волосами и ровными белыми зубами — все они ждали своих пятнадцати секунд. Шансов сняться в рекламе было меньше, чем сорвать джекпот в лотерее, но все мы пришли сюда, зараженные актерским энтузиазмом, самым трагическим симптомом которого (помимо напрасно растроченной жизни) было разочарование родителей.

Пересекая парковку, я плотнее запахнула куртку на груди. Я протянула охраннику карточку — хорошо хоть студия заплатила за парковку! А потом поехала по сто первому шоссе домой. Октябрьские вечера в Сан-Фернандо, в окрестностях Лос-Анджелеса, обычно были прохладными и сухими, но висел необычный туман, его клочья клубились над крышами, как сигаретный дым. Было уже почти восемь, но пробки еще не рассосались. Да уж, это Лос-Анджелес.

Я остановилась перед домом и забрала с заднего сиденья сумку (расческа, косметика, смена белья, дезодорант, бутылка с водой, перекус). Всегда готова к прослушиванию! Когда я открыла дверь, на меня радостно прыгнул Брандо, мой энергичный золотистый ретривер.

— Привет, дружок. — Я нагнулась, чтобы его погладить.

Меня часто спрашивают, какой у меня пес. Мой заготовленный ответ: линяющий, потому что это единственное его качество, в котором я уверена. Если не пылесосить дважды в неделю, его шерсть превратится в ковер на ковре.

— Я его накормил, — сказал мой сосед по квартире Джордан, не вставая из-за кухонного стола.

— Спасибо.

— Как прослушивание?

— Сразила их наповал, — пошутила я, сбросив туфли и плюхнувшись на диван — его диван, кстати.

Вся мебель в гостиной принадлежала ему. Моим вкладом в обстановку бунгало с двумя спальнями было только мыло с приятным запахом, лежащее в ванной.

— А выглядишь измученной, — заметил он.

— Ну да, перед этим я отработала на дне рождения.

Помимо того, что я хожу на бессмысленные прослушивания, у меня есть еще куча бессмысленных профессий. Чаще всего я провожу экскурсии по Голливуду, но иногда по выходным роюсь в сундуке с костюмами, чтобы развлекать маленьких девочек на вечеринках в роли их любимой диснеевской принцессы. Этим утром я нацепила блондинистый парик, от которого зудит голова, и стала Золушкой для десятка вопящих пятилеток. Довольно унижительно сидеть за рулем классного «Мини-купера», нарядившись в принцессу, но мало кто из обладателей диплома по драматическому искусству и не имеющий полезных в реальной жизни навыков способен заработать три сотни баксов в час — во всяком случае, легальным способом.

— Мне выпустить его во двор? — спросил Джордан.

У нас имелся небольшой огороженный двор. Брандо нужно совсем немного места, чтобы размять лапы. Я могла просто позволить ему сделать свои дела на лужайке и убрать за ним утром, как обычно поступала, когда работала ночью или допоздна засиживалась с друзьями.

Я заглянула в полные надежды глаза пса. Я никак не могла знать, что прогулка с ним в тот вечер перевернет мою жизнь с ног на голову, поэтому поддалась чувству вины и встала с дивана.

— Нет, — вздохнула я. — Уже встаю.

Стоило мне скинуть ноги с дивана, как Брандо заскакал от радости. Собакам легко угодить — достаточно вывести их на улицу или впустить обратно и они целыми днями будут награждать вас слюнявыми поцелуями.

Я пошла в свою комнату переодеться. Мне нравилось жить в отдельном доме, а не в шумной квартире, куда постоянно кто-то приходит, но наш домишко видал и лучшие времена. Ковры были покрыты пятнами и истрепались по краям, и мы так и не починили разбитое окно, хотя обещали хозяину. Но я не жаловалась. Это место все равно было лучше того, которое я могла бы позволить себе в одиночку. Даже если б я сумела оплатить аренду, я жила бы в голых стенах — ни кастрюль со сковородками, ни посуды, ни кабельного телевидения, ни даже кресла, чтобы его смотреть. Я приехала в Лос-Анджелес с одной только одеждой, любимой подушкой да измусоленными томиками Станиславского и Уты Хаген. Я спала на раскладном диванчике, который семь лет назад купила уже подержанным по объявлению, и вся набивка сместилась к краям, так что он больше напоминал комковатое каноэ, чем кровать. Пора было обновить мебель, но почему-то к концу месяца мне едва хватало денег, чтобы внести свою часть арендной платы.

— Странная погода, — заметил Джордан, когда я появилась из своей комнаты в черном худи и леггинсах.

— Более чем, — согласилась я и натянула бейсболку, завершив образ ниндзя для прогулки с собакой.

Я жила вместе с Джорданом с тех пор, как мы переехали в Лос-Анджелес из Висконсина на следующее лето после выпуска из колледжа. Я — чтобы стать актрисой (воображаемая карьера), а он — чтобы поступить в медицинскую школу (реальная карьера). Не считая одного поцелуя спьяну, у нас не было романтических отношений, но мы прекрасно ладили, так хорошо, что однажды пошутили — если в тридцатник мы еще будем одиноки, то обязательно поженимся. Я-то уж точно считала это шуткой. Приближался мой тридцатый день рождения, а день рождения Джордана мы уже отпраздновали. Отважусь ли я заговорить на эту тему?

Надевая кроссовки, я размышляла о своем долгом периоде безрыбья. Я уже давно не приглашала никого на ночь, и не из-за комковатого дивана. А Джордан не приводил домой девушку после инструкторши по йоге, которую считал «той самой», пока она не наставила ему рога на вечеринке в Хэллоуин, причем в буквальном смысле прямо у него на глазах. Это было почти год назад. Мы уже жили как семья — закупались оптом в «Костко», пили молоко из одной картонной упаковки, имели общий аккаунт в «Нетфликсе», только спали в разных комнатах. Пожалуй, мы были ближе друг другу, чем многие женатые пары, не считая, естественно, интимной стороны — у нас никогда не было секса.

Я посмотрела на своего соседа по дому, пока он печатал что-то на ноутбуке, сидя на нашей крохотной кухне. Он был безусловно привлекателен — смуглый, с глазами цвета меда. А я достаточно красива, чтобы его привлечь, даже пока он не выпил три «Маргари-

ты». Так в чем же дело? Почему мы застряли в этом платоническом сосуществовании? Не хочет ли он все изменить? А я?

— Пока, Джордан. — Я пристегнула к ошейнику Брандо поводок.

Стоило мне выйти за дверь, как прическа тут же пришла в негодность. Я скучала по многому из жизни в Висконсине, но только не по удушающей влажности, в одно мгновение способной уничтожить укладку.

— Будь осторожна! — прокричал мне вслед Джордан.

Не думаю, что в его прощании было нечто злое. Люди постоянно говорят «будь осторожна», это все равно что сказать «пока» или «увидимся позже».

Но я актриса, а не кассирша в банке. Я не из тех, кто ведет себя осторожно.

ГЛАВА 2

ЛУИЗА

— Ты не обязана готовить мне ужин, — сказал мой племянник Нейтан, когда я вытащила из духовки запеченную форель и заглянула в ее тусклый черный глаз.

Некоторые люди не любят, когда на тарелке лежит мертвая рыбина целиком, видимо, ощущают себя убийцами, предпочитая обезличенную версию — филе, замаскированное лимонной подливкой. Но мне не было жаль рыбину; ведь ее вырастили для моего стола. Оказавшись у меня в духовке, она реализовала свой потенциал, чего не скажешь о большинстве людей.

— Если я не буду для тебя готовить, то кто тогда? — поддела я его, и племянник сердито уставился на меня.

— Я сам отлично готовлю, тетя Луиза, — ответил он, напомнив, что не любит стереотипные гендерные роли.

В этом отношении мы похожи. Когда люди узнают, что я богата, они неизбежно задают вопрос: «А чем занимается ваш муж?» Я с удовольствием смотрю, как краснеют их уши, когда отвечаю: «Он умер, так что особо ничем». А после обязательного «Ох, примите мои соболезнования» обычно следует какая-нибудь версия «А чем он занимался раньше?». Ведь все предполагают, что я разбогатела из-за него. Но это я зарабатывала на хлеб, а он обустроивал семейное гнездо. Я собиралась работать, пока меня не выкинут вон, а потом мы отправились бы путешествовать по миру, наслаждаясь плодами моего труда. Но его сердечный приступ, а впоследствии и мой диагноз разрушили эту мечту, и теперь я оказалась вдали от любимого пастбища, но с деньгами, так что мне нечем было заняться, кроме как смотреть на свой банковский баланс.

— Позволь мне сделать хотя бы это, пока могу, — произнесла я.

Мы ели из моего бесценного веджвудского голубого фарфора¹, ведь зачем его хранить, если не пользоваться? Несколько чашек поцарапались от жестокого прикосновения времени, впрочем, как и я, и думаю, нам неплохо удастся скрывать свои недуги.

Мне нравилось готовить для кого-то, но я мало кого могла выносить в течение целого ужина. Нейтан

¹ Веджвудский фарфор — уникальный английский фарфор, производимый с 1759 г.

был редким исключением. Он был не только моим племянником, но и адвокатом. Я пригласила его на ужин под предлогом обсуждения каких-то документов. Конечно, он был слишком воспитан, чтобы заговорить об этом за ужином. Поэтому мы болтали о его романтических отношениях (почти не существующих), его работе (терпимо, но не слишком занимательно), моем саде (поглощенном плющом) и, конечно же, моих детях (всегда слишком занятых).

— Как там мой брат? — спросила я просто из вежливости.

Отец Нейтана — мой единственный брат, и я могла выносить его только в ограниченных дозах.

— Как обычно, — ответил Нейтан. — Каждый день встает на рассвете, чтобы присматривать за своей империей.

Он хохотнул над собственной шуткой. Мой брат занимался оптовой торговлей, говорить об этом было скучно до слез. Но он отправил четверых детей в колледж, и работа, похоже, ему нравилась. Пока я не слышу о последней поставке чего-то там куда-то еще, меня вполне устраивала его жизнь.

Я убрала тарелки и поставила на стол чайник, а Нейтан решил все-таки спросить о том, зачем я его вызвала.

— Ты упомянула, что хотела о чем-то со мной поговорить, — начал он, пока я ставила тарелку с купленным печеньем. Не люблю готовить, но мне нравится съесть кусочек сладкого после ужина, и это печенье — лучшее, что можно найти.

— Я собираюсь изменить завещание, — объявила я, садясь напротив него.

У меня был адвокат, занимавшийся имуществом, для составления завещания мне не нужна помощь Нейтана. И он, разумеется, смутился.

— Каким образом?

— Я тут размышляла о нем и решила, что оно не отражает мои желания, — уклонилась я от ответа.

Я понимала, что моя просьба натолкнется на сопротивление, и всячески постаралась ее смягчить.

— И ты просишь меня этим заняться? — спросил он.

— Нет, ты не сможешь.

— Почему?

Пришло время бросить первую бомбу.

— Потому что я оставлю все тебе.

Он открыл рот, собираясь возразить, но я успела первой:

— Я знаю, о чем ты думаешь, но я долго размышляла и решила, что это единственный путь.

Я надеялась, что он спросит: «Путь к чему?», но он не заглохнул наживку.

— Луиза, если ты хочешь чаще видеть Винни и Чарли, просто скажи им об этом.

— С какой стати я буду заставлять детей чаще меня навещать? — Я фыркнула. — Им до меня рукой подать, просто отвратительно, что они никогда не приезжают.

— Потому что честолюбивы, пошли в мать.

— Пытаешься меня поддеть?

Нейтан прекрасно знал, что мои дети не пытаются сделать карьеру, это вызвало бы у меня уважение. Нет, они не приезжали ко мне из эгоизма, и дело не только в том, что у них не было времени. Я никогда не рассказывала Нейтану о том, в чем они мне отказали, — это было слишком печально, и они ему тоже наверняка не сообщили.

— Я тронут, что ты решила оставить все мне, — сказал племянник, — но не могу позволить тебе так поступить.